

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.12

Правильная ссылка на статью:

Григорьева К. С., Хамидова И. А. Сельские жители Чеченской Республики о Москве и москвичах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 230—247. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.12>.

For citation:

Grigoryeva K. S., Hamidova I. A. (2018) Rural inhabitants of the Chechen Republic on Moscow and Muscovites. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 230—247. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.12>.

К. С. Григорьева, И. А. Хамидова СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ О МОСКВЕ И МОСКВИЧАХ

СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ О МОСКВЕ И МОСКВИЧАХ

ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.
E-MAIL: kseniagrigroryeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7761-7792

ХАМИДОВА Инжила Абдуллаевна — магистрантка, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия.
E-MAIL: hamidowa.injila@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9310-0702

RURAL INHABITANTS OF THE CHECHEN REPUBLIC ON MOSCOW AND MUSCOVITES

*Kseniya S. GRIGORYEVA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow, .
E-MAIL: kseniagrigroryeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7761-7792

*Injila A. HAMIDOVA*² — Master's Degree Student
E-MAIL: hamidowa.injila@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9310-0702

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Аннотация. Социологические обследования свидетельствуют о неоднозначном отношении значительной части российского населения к согражданам, прибывающим из республик Северного Кавказа (в особенности из Чеченской Республики). В уроженцах ЧР нередко видят угрозу, потенциальных нарушителей норм морали и закона, воспринимая их как «чужаков». В то же время представления выходцев из Чеченской Республики о жителях тех регионов, куда они едут на работу, остаются практически неисследованными.

В статье анализируются представления сельских жителей Чеченской Республики о Москве и москвичах, влияние миграционного опыта на данные представления. Кроме того, исследуются расхождения в восприятии столицы и столичных жителей мужчинами и женщинами, людьми разных возрастов, обусловленные несопадением гендерного порядка и возрастной стратификации в принимающем и отдающем сообществах.

При проведении исследования использовалось сочетание качественных и количественных методов — глубинных интервью и анкетирования, проведенного в трех сельских населенных пунктах Чеченской Республики.

Ключевые слова: внутренняя миграция, трудовые мигранты, миграционный опыт, Чеченская Республика, теория контакта, гендерный порядок, возрастная стратификация

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Формирование представлений мигрантов и их со-

Abstract. Sociological studies illustrate that the attitudes of a large part of the Russian population towards citizens coming from the North Caucasus republics (in particular, the Chechnya Republic) are ambiguous. Chechen natives are often seen as a menace or potential law-breakers and perceived as 'aliens'. At the same time, little research is devoted to the attitudes of the Chechen descents expressed towards the inhabitants of the regions they head to work.

The article explores the views of the Chechen rural inhabitants about Moscow and Moscow residents and the impact of migration experience on these views. The author also describes the discrepancies between men and women and people of different age groups in their perceptions of the capital and metropolitan inhabitants. The discrepancies result from inconsistencies between gender order and age stratification in the host and origin communities. A combination of qualitative and quantitative methods, namely in-depth interviews and questionnaire survey conducted in three rural-type settlements in Chechnya, was used in the study.

Keywords: internal migration, labor migrants, migration experience, Chechen Republic, contact theory, gender order, age stratification

Acknowledgment. The article is part of the project supported by Russian Foundation for Basic Research «Immigrants'

циального окружения о принимающих сообществах (на примере трудовых мигрантов из Дагестана и Чеченской Республики в Москве и Астрахани)» (грант № 17-33-00056-ОГН).

and their social environment's perceptions of the host communities (case study of Dagestan and Chechen Republic migrants in Moscow and Astrakhan) (no. 17-33-00056-OGN).

Российские опросы общественного мнения показывают, что мигранты, принадлежащие к «видимым меньшинствам», вызывают у значительной части принимающего населения раздражение и неприязнь. На протяжении последних двух десятилетий главными объектами вражды были российские граждане, прибывающие из республик Северного Кавказа (в особенности из Чеченской Республики). Согласно репрезентативным данным 24-й волны Российского мониторинга экономики и здоровья населения (2015 г.)¹, против соседства с семьей чеченцев высказались 30,7% респондентов, негативно отнеслись бы к работе под руководством чеченцев 39,5% опрошенных.

В приезжих из Чеченской Республики (ЧР) нередко видят угрозу, потенциальных нарушителей норм морали и закона, воспринимая их как «чужаков». В то же время представления уроженцев ЧР о жителях тех регионов, куда они едут на работу, остаются практически неисследованными. Не изучен вопрос о том, как миграционный опыт влияет на представления посылающих сообществ.

Для преодоления этой исследовательской лакуны было предпринято изучение формирования представлений о принимающем сообществе у выходцев из Чеченской Республики, приезжающих на работу в столицу, и их социального окружения в местах постоянного проживания. В исследовании ставилась цель раскрыть, как миграционный опыт воздействует на представления трудовых мигрантов из Чеченской Республики и их социального окружения о принимающем сообществе.

Методология исследования

Концептуальной рамкой исследования послужила теория контакта. Гипотеза контакта была предложена Г. Оллпортом в 1954 г. в работе «Природа предрассудка» [Allport, 1954]. Суть гипотезы состоит в том, что межгрупповые (в том числе межэтнические и межрасовые) предубеждения смягчаются или исчезают при вступлении групп в контакт друг с другом. При этом оговаривалось, что уровень воздействия контакта на предубеждения зависит от целого ряда обстоятельств: глубины взаимодействия, статуса его участников, институциональных условий, общности и непротиворечивости интересов.

В более поздних работах было эмпирически доказано, что благоприятное воздействие контакта на представления групп друг о друге усиливают общие цели,

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>.

межгрупповое сотрудничество и благоприятная институциональная среда [Sherif et al., 1961; Pettigrew, Tropp, 2012].

В конце 1990-х годов дальнейшая разработка теории контакта привела к изучению так называемого расширенного контакта [Wright et al., 1997], при котором для изменения суждений групп друг о друге необязательно вступление в прямой контакт всех их представителей. Достаточно, чтобы взаимодействовали отдельные члены групп, которые затем транслируют свое изменившееся мнение остальным представителям своего сообщества. Справедливость этого предположения впоследствии также была эмпирически доказана [Paolini et al., 2004; Pettigrew et al., 2007].

Наконец, исследования 2000-х годов убедительно продемонстрировали, что контакт между группами может влиять как позитивно, так и негативно на их представления друг о друге. Более подробно о теории контакта см. [Варшавер, 2015].

Приняв гипотезу контакта за базовую, мы рассматривали миграционный опыт трудовых мигрантов из Чеченской Республики как опыт, включавший контакты с представителями принимающего сообщества.

Под контактом трудовых мигрантов и членов местного сообщества понималось непосредственное взаимодействие лицом к лицу, в то время как под расширенным контактом подразумевалось опосредованное взаимодействие социального окружения трудовых мигрантов (близких родственников, друзей и соседей) с принимающими сообществами, совершающееся посредством получения информации о реальных контактах мигрантов.

Жители Чеченской Республики, не имеющие миграционного опыта и близких родственников, друзей или соседей, обладающих таким опытом, рассматривались в качестве контрольной группы.

При проведении исследования использовались как качественные методы (интервью с трудовыми мигрантами из Чеченской Республики), так и количественные (анкетирование близких родственников, друзей и соседей мигрантов, а также людей, не имеющих прямого или опосредованного миграционного опыта).

Всего было проведено 15 глубинных интервью с трудовыми мигрантами и проанкетировано 300 респондентов, никогда не бывавших в Москве (150 близких родственников, друзей и соседей мигрантов, и 150 респондентов, не имеющих прямого или опосредованного миграционного опыта).

Исследование носило характер кейс-стади. Было проанализировано влияние миграционного опыта, приобретенного в Москве, на представления трудовых мигрантов из станиц Бороздиновская, Дубовская и Каргалинская Шелковского района Чеченской Республики, а также их близких родственников, друзей и соседей.

Исследование кейсов дало возможность проанализировать представления о принимающем населении Москвы, существующие в реальных сообществах (мигрантов из конкретных населенных пунктов, их социального окружения, других жителей выбранных поселений).

Социально-экономические характеристики изучаемых населенных пунктов

Станицы Каргалинская, Дубовская и Бороздиновская расположены по соседству и входят в состав Шелковского района Чеченской Республики. Они имеют сходные социально-демографические и экономические характеристики, хотя

различаются по размеру и численности населения: В Каргалинской проживает 5475 человек, в Дубовской — 2370 человек, в Бороздиновской — 746 человек². Подавляющее большинство жителей — этнические чеченцы. Наименее этнически однородно население ст. Бороздиновская, где 21,8 % жителей составляют аварцы.

Все три сельских поселения характеризуются неразвитостью социальной инфраструктуры. В них практически отсутствуют культурно-досуговые и развлекательные учреждения³. В Дубовской и Бороздиновской, несмотря на высокую долю детей дошкольного возраста, нет ни одного учреждения дошкольного образования.

В советский период подавляющее большинство жителей трех станиц работали в колхозах. В настоящее время объемы сельскохозяйственного производства резко сократились и, хотя в Каргалинской и Дубовской сохраняются госхозы, они не в состоянии обеспечить население рабочими местами.

Во всех трех поселениях фиксируется высокий уровень безработицы: в ст. Каргалинская работает лишь 406 человек из 3150 трудоспособных, в ст. Дубовская — 357 человек из 1393 трудоспособных, в ст. Бороздиновская — 220 человек из 404 трудоспособных⁴.

Значительная часть незанятого населения перебивается случайными подработками на территории Чеченской Республики или соседних регионов. Самые энергичные отправляются на заработки в более отдаленные и экономически благополучные регионы, в том числе в Москву.

Мужчины ездят в столицу чаще женщин. Это объясняется прежде всего широко распространенными представлениями о нежелательности женской трудовой миграции, особенно на далекие расстояния. Среди местного населения бытует мнение, что поездка жены, дочери или сестры в Москву чревата высокими рисками, главным из которых считается высокая вероятность того, что женщина, подпав под влияние чуждой культуры, начнет вести себя неподобающим образом и навлечет позор на семью.

Представления о Москве и москвичах у тех, кто никогда не был в столице

Как показало проведенное исследование, подавляющее большинство жителей Бороздиновской, Дубовской и Каргалинской (83,3 %) не хотели бы жить в Москве, даже если бы речь шла о временном проживании в столице⁵. 85,3 % респондентов полагают, что москвичи никогда не будут считать приезжих из Чеченской Республики своими, и лишь 1,7 % опрошенных оценивает межнациональные отношения в Москве как доброжелательные. Для сравнения: доброжелательными межнациональные отношения в Шелковском районе назвали 52,3 % респондентов, а в Чеченской Республике в целом — 65,3 % (см. табл. 1).

² Согласно данным паспортных досье ст. Каргалинская, ст. Дубовская и ст. Бороздиновская Шелковского района Чеченской Республики на 01.01.2016 г.

³ Кроме Дома культуры, детской спортивной школы и кафе в ст. Каргалинская.

⁴ Согласно данным паспортных досье ст. Каргалинская, ст. Дубовская и ст. Бороздиновская Шелковского района Чеченской Республики на 01.01.2016 г. Следует учитывать, что в официальных данных количество безработных занижено, реальный уровень безработицы еще выше.

⁵ Надо отметить, в этом они солидарны с жителями других регионов России, которые, как показал недавний опрос ФОМ, также не стремятся жить в столице. См.: Опрос: большинство жителей регионов не хотели бы переезжать в Москву. URL: <https://ria.ru/society/20170901/1501551742.html> (дата обращения: 19.05.2018).

Таблица 1. Оценка межэтнических отношений в Москве и Шелковском районе Чеченской Республики, %

	Межнациональные отношения в Москве	Межнациональные отношения в Шелковском районе Чеченской Республики	Межнациональные отношения в Чеченской Республике
Доброжелательные	1,7	52,3	65,3
Спокойные	34,4	30,7	32,3
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	30,4	16,3	2,3
Напряженные	17,1	0,3	0,0
На грани открытых столкновений	10,4	0,3	0,0
3/0	6,0	0,0	0,0

По мнению значительной части опрошенных, Москва — довольно опасное место, особенно после наступления темноты (см. табл. 2).

Таблица 2. Оценка безопасности перемещения в вечернее время по Москве и Шелковскому району Чеченской Республики, %

	Полностью безопасно	Относительно безопасно	Небезопасно	Совсем небезопасно	3/0
Ходить в одиночестве после наступления темноты по Москве	18,3	29,7	20,0	16,7	15,3
Ходить в одиночестве после наступления темноты по Шелковскому району Чеченской Республики	57,3	24,7	12,7	3,7	1,7

Таким образом, Москва представляется респондентам непривлекательным для жизни, чужим и небезопасным городом.

Самих москвичей жители ст. Бороздиновской, Дубовской и Каргалинской, никогда не бывавшие в столице, чаще всего характеризуют как аморальных, негостеприимных, равнодушных, высокомерных и злых людей, навязывающих свои обычаи другим. В то время как жители Чеченской Республики, по мнению опрошенных, гостеприимные, почтительные со старшими, религиозные, доброжелательные и надежные (см. табл. 3).

Таблица 3. *Качества, характеризующие москвичей и жителей Чеченской Республики, %*

	Москвичи	Жители Чеченской Республики
Культурные, воспитанные	8,3	25,3
Доброжелательные, отзывчивые	0,3	45,0
Спокойные, терпеливые	4,7	12,3
Открытые, простые	0,3	25,3
Гостеприимные	0,0	75,7
Надежные, верные	0,0	30,0
Почтительные со старшими	0,0	67,7
Религиозные	0,3	66,3
Трудолюбивые	0,3	17,7
Порядочные, честные	0,3	21,3
Образованные, умные	23,3	8,3
Богатые	26	3,0
Высокомерные, заносчивые	34,3	1,7
Равнодушные	37,7	0,7
Злые	33,3	1,0
Грубые, агрессивные	23,7	3,7
Жадные	17,7	0,0
Навязывающие свои обычаи другим	32,3	2,3
Негостеприимные	44,0	0,0
Лицемерные, хитрые	10,0	0,0
Аморальные, распущенные	56,0	0,0

Результаты опроса свидетельствуют, что представления о Москве у тех, чьи родственники, соседи или друзья ездили на работу в столицу, и других жителей Бороздиновской, Дубовской и Каргалинской значимо не различаются.

Некоторые отличия существуют лишь в оценках степени опасности перемещения по Москве после наступления темноты: безопасным и относительно безопасным его считают 55,7 % родственников, друзей и соседей трудовых мигрантов против 40,4 % респондентов, не имеющих прямого или опосредованного миграционного опыта (см. табл. 4).

Таблица 4. **Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, насколько безопасно ходить в одиночестве по Москве после наступления темноты?» среди родственников, друзей и соседей мигрантов и тех, кто не имел прямого или опосредованного миграционного опыта, %**

	Полностью безопасно	Относительно безопасно	Небезопасно	Совсем небезопасно	З/О
Родственники, друзья и соседи трудовых мигрантов	18,8	36,9	19,5	14,8	10,1
Другие жители Бороздиновской, Дубовской и Каргалинской Шелковского района ЧР	17,9	22,5	20,5	18,5	20,5

Представления о москвичах у социального окружения трудовых мигрантов и тех, кто не имел ни прямого, ни опосредованного миграционного опыта, также различаются несущественно.

Наиболее распространенными характеристиками москвичей в оценках респондентов из обеих групп остаются аморальность и распущенность (так считают 55 % родственников, друзей и соседей трудовых мигрантов и 57 % тех, кто не имел ни прямого, ни опосредованного миграционного опыта) и негостеприимность (47 % против 41,1 % соответственно).

Несмотря на то что родственники, друзья и соседи мигрантов чуть чаще характеризуют москвичей как культурных и воспитанных (12,1 % против 4,6 %), спокойных и терпеливых (8,7 % против 0,7 %), они же чаще называют столичных жителей высокомерными, заносчивыми (38,9 % против 29,8 %) и равнодушными (45,0 % против 30,5 %).

Примерно равные доли опрошенных из обеих групп полагают, что москвичи злые (34,9 % родственников, друзей и соседей мигрантов и 31,8 % тех, у кого нет ни прямого, ни опосредованного миграционного опыта) и стремятся навязать свои обычаи другим (32,9 % против 31,8 % соответственно).

Иными словами, расширенный контакт с жителями Москвы не оказывает выраженного позитивного влияния на представления социального окружения трудовых мигрантов.

Факторы, обуславливающие негативные представления о Москве и москвичах

По всей вероятности, негативные представления о Москве и москвичах тесно связаны с образами, транслируемыми федеральным и региональным телевидением: подавляющее большинство опрошенных заявило, что получает информацию о столице и столичных жителях именно оттуда (62 % — из федеральных телеканалов, 57,7 % — из республиканских).

Реклама, демонстрируемая на федеральном телевидении (в особенности та, где фигурируют полуобнаженные модели), скандальные подробности из жизни

российских звезд, ток-шоу («Пусть говорят», «Давай поженимся», «Холостяк») и реалити-шоу («Дом-2»), популярные среди местного населения, ассоциируются со столичным стилем жизни. Под воздействием «желтой прессы» у селян формируется карикатурный образ москвичей.

На местных телеканалах широко обсуждаются случаи ущемления прав жителей Чеченской Республики за пределами домашнего региона. Последнему громкому инциденту — некорректному поведению полицейских в Воронеже⁶ по отношению к двум чеченкам с грудными детьми⁷ — было посвящено несколько специальных репортажей на ЧГТРК, вызвавших широкий общественный резонанс.

Амбивалентный опыт тех, кто отправляется в столицу на заработки, отчасти подтверждает негативные стереотипы о Москве и москвичах: рассказы наших респондентов наполнены упоминаниями о шоке при виде «вызывающе» одетых, выпивающих и курящих девушек, о невежливом поведении горожан.

Это, вероятно, и объясняет тот факт, что суждения о столице и столичных жителях у родственников, друзей и соседей трудовых мигрантов практически не отличаются от суждений других жителей Бороздиновской, Дубовской и Каргалинской, а в некоторых случаях они даже более категоричны.

Определенное влияние, по-видимому, оказывают и воспоминания о недавнем вооруженном конфликте, который воспринимается как санкционированный «Москвой»⁸.

Изменение представлений о столице и столичных жителях под влиянием непосредственных контактов с москвичами

По свидетельству респондентов из числа трудовых мигрантов, их восприятие Москвы и москвичей после поездки в столицу претерпело существенные изменения.

Общим в нарративах тех, кто ездил на заработки в Москву, является упоминание о сильном беспокойстве во время первой поездки, ожидании агрессии со стороны москвичей, дискриминации по национальному признаку, а также о последующем удивлении от того, что враждебность жителей столицы оказалась сильно преувеличена.

«Я ехал туда со стереотипами. Я понял, что я сильно ошибаюсь. Мне рассказывали все нехорошее там. Там драки, избивают, издеваются. Когда я приехал, этого не было. [...] Я [ожидал агрессии] и сам с агрессией ехал. [А приехал], на меня внимания никто не обратил» (житель ст. Бороздиновская, 28 лет, первый раз приехал на работу в Москву в 2005 году).

При этом ярко выраженные негативные ожидания сглаживают случаи враждебного отношения (в основном проявляющегося в невежливом обращении), с которыми сталкивались практически все наши респонденты, акцентируя внимание

⁶ Регионы обычно не дифференцируются, и то, что происходит в отдельных российских субъектах, ретранслируется на все прочие.

⁷ Полицейские попытались задержать чеченских девушек с грудным ребенком в Воронеже. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=io76IH7FcDM> (дата обращения: 17.10.2017).

⁸ В интервью некоторые респонденты упоминали о том, что их первоначальные негативные представления о Москве и москвичах были связаны с воспоминаниями о вооруженном конфликте.

на корректном или дружелюбном поведении москвичей, воспринимающемся как нечто совершенно неожиданное.

«Я думала, когда я приехала: „Ой, наверное, скажут, понаехали тут, поприехали сюда“. Ехать было боязно, честно говоря. Думала, кто его знает? [А] приехала — очень хорошо. Даже вот я не знала метро, мне все объяснили, что как: „Вот на это вот сядете, вот оттуда слезете, туда пойдете“. Аж мне, аж я чуть не заплакала. Думаю, какие люди добрые, хорошие» (жительница ст. Каргалинская, 57 лет, первый раз приехала на работу в Москву в 2016 г.).

Существенно влияют на трансформацию представлений о Москве и москвичах устойчивые позитивные контакты со столичными жителями (или теми, кто воспринимался как таковой⁹), которые у трудовых мигрантов чаще всего объяснимо завязываются на работе.

«О Москве у меня было представление об одном, ну, как говорится, вот приехали, там война вот эта вся, и после этого думал ненависть будет межнациональная. [...] [А потом] очень во многом поменялось мнение, потому что там [в Москве] у меня уже знакомых много. Даже наш генеральный директор со мной, не так как, а как с человеком. Приходит, с нами сидит, с нами шутит [...] Нас два чеченца, в нашей фирме. Остальные все русские. Отношения очень идеальные. Даже просто когда я первый раз поехал, месяц-два я там побыл, я сам удивился, какие могут быть отношения с русскими и с чеченцами. Там ненависти нету никакой. Которое я ожидал, вообще близко не было. Отношения очень идеальные» (житель ст. Бороздиновская, 41 год, первый раз приехал на работу в Москву в 2010 г.).

Вместе с тем следует отметить, что в большинстве случаев респонденты предпочитают устанавливать дружеские связи и проводить свободное время с выходцами с Кавказа, тогда как взаимодействие с москвичами остается более или менее эпизодическим и формальным.

«Я большую часть времени проводил со своими земляками. [...] Там, по работе, если видел, там, не знаю, может в каком-то парке ты увидишь [знакомых москвичей]. А вместе работаем: „Здорово, как дела?“ Вот так, короче, проходили такие моменты, да, а так чтобы дружить, честно говоря, нет» (житель ст. Каргалинская, 30 лет, первый раз приехал на работу в Москву в 2014 г.).

«В основном наши [у меня друзья], которые с Дагестана, с Чечни. [...] С ними [с москвичами] общий язык не трудно найти, но именно вот с русским человеком взять подружиться, кентоваться, такого не было. Даже и мне не хотелось, и как бы сказать, ну, у меня и времени не было, чтобы кого-то друзей искать» (житель ст. Бороздиновская, 26 лет, в первый раз приехал на работу в Москву в 2014 г.).

Обосновывая свой выбор ближнего круга общения, респонденты отмечают, что на выходцев с Кавказа они могут всецело положиться, лучше понимают друг друга.

Тем не менее даже поверхностные и непродолжительные контакты с москвичами (или с теми, кто воспринимается в качестве москвичей) способствуют пересмотру представлений о принимающем сообществе. Общее мнение респондентов: столичные жители не так плохи, как о них говорят.

⁹ Зачастую в качестве местных жителей выходцы из Чеченской Республики, приехавшие на работу в Москву, воспринимают русских коллег, прибывших в столицу из других регионов.

Несовпадение паттернов повседневного поведения выходцев из Чеченской Республики и москвичей

Улучшение отношения к москвичам, как правило, проявляется в изменении первоначальных представлений об их недружелюбии и агрессивности, что, впрочем, не означает одобрение или даже нейтральное восприятие столичного образа жизни. Многие в манере поведения и внешнем облике жителей Москвы остаются для приезжих из Чеченской Республики неприемлемым, зачастую вызывая не только отторжение, но и осуждение. Объяснить болезненное восприятие различий в бытовом поведении позволяет этнометодологический подход, который ясно демонстрирует, что мир повседневности не является ценностно нейтральным.

Как показал в своих работах Г. Гарфинкель, для членов общества повседневные дела не просто обстоят определенным образом, но всегда являются правильными или неправильными с моральной точки зрения [Garfinkel, 1964: 225]. Социальный порядок зиждется на усвоенных индивидами представлениях об уместном поведении, на непроблематизируемом ожидании, что любой нормальный человек обязательно знает, как следует себя вести в той или иной ситуации. Нарушение этих ожиданий вызывает замешательство, раздражение, гнев [Garfinkel, 1964: 232]. Именно так чувствуют себя наши респонденты, сталкиваясь с некоторыми аспектами жизни столичного социума.

Как правило, широкий спектр эмоций (от потрясения, удивления и смущения до раздражения и возмущения) у выходцев из Чеченской Республики вызывает поведение и внешний вид москвичек.

«Для меня, если честно, это было, как сказать, неприятно. Как женщины там ходят и девушки, это вообще мне не понравилось. Это вообще безобразие. [...] Как они одеваются, они вообще и не одеваются, можно сказать, вообще открыто. Раньше хоть закрытые ходили, а сейчас вообще, не поймешь, че она, одетая или не одетая. Это конечно, на них смотреть, смущаешься и не нравится» (житель ст. Бороздиновская, 26 лет, в первый раз приехал на работу в Москву в 2014 г.).

«Девушки, которые выпивают, ходят, во рту сигареты, какое с ними может быть общение, или какой может быть разговор, если у них каждое слово мат? Большинство [девушек в Москве] я видел развязных» (житель ст. Бороздиновская, 49 лет, в первый раз приехал на работу в Москву в 2007 г.).

Другой серьезный раздражитель — москвичи-неформалы, столкновение с которыми зачастую сопровождается замешательством, дезориентацией, гневом и осуждением.

«Я ни разу не видел, чтоб у пацана сережка, да, только по телевизору. Для меня как-то все это странно было, чуждо все это. [...] Что можно ожидать от таких людей? Таких людей, по-моему, даже в друзья брать не надо. Он же вообще не мужчина и не девочка, да, как бы. [...] Здесь [в Москве] мужчина позволяет себе с зеленой или розовой головой ходить. Крашенный. Ирокез, и они этот ирокез красят еще. Непонятно, зачем это все. Ну будь ты мужчиной, если ты мужчина. Твои дети будут на тебя же похожими. У нас были вот соседи, они своему маленькому пацану, четыре года, сделали ирокез и сережку повесили на ухо. Это ненормально, по-моему» (житель ст. Бороздиновская, 21 год, в первый раз приехал на работу в Москву в 2014 г.).

«Там [в Москве] не разберешь, парень-девушка, они все одной масти. Они [парни] там конкретно женоподобные. И в одежде, и в поведении, во всем. Я даже пару раз ошибся: пытался познакомиться, а это был парень. Длинноволосый, в порванных джинсах, со спины. Было очень неприятно. При мне много раз ошибались. Кричали: „Девушка, девушка“. Парень поворачивался, с усами. Не раз было» (житель ст. Бороздиновская, 28 лет, первый раз приехал на работу в Москву в 2005 г.).

Возмущение вызывает также невежливое поведение молодежи по отношению к людям старших возрастов, отсутствие дистанции во взаимоотношениях детей и родителей.

«Обычно даже в магазин заходишь ты, у нас, например, старуха, взрослый мужик, мы встаем, место уступаем. Там [в Москве] такого нету. Вот молодежь прет, еле, там, старуха со своей палкой двигается, они ее, там, в сторону отталкивают, и залетают в этот магазин. А когда замечание делаешь, они: „Какое твое дело? — говорят. — У нас здесь свое, мы здесь свои права качаем“. Даже замечания делать не разрешают, вот так вот у них» (житель ст. Бороздиновская, 49 лет, первый раз приехал на работу в Москву в 2013 г.).

«Москвичи безнравственные, аморальные, у них нет дистанции в отношении с родителями, они говорят друг перед другом что попало и делают что попало» (житель ст. Бороздиновская, 22 года, первый раз приехал на работу в Москву в 2016 г.).

Очевидно, что за приведенными суждениями кроется нечто большее, чем индивидуальное представление о (без)нравственном поведении. По сути, они отражают не столько противоречия между индивидами, сколько столкновение двух «моральных порядков»¹⁰. Одновременно перечень сюжетов, вызывающих наибольшее напряжение, — поведение и внешний вид мужчин и женщин, отношения старших и младших — показывает, что главным камнем преткновения становятся значимые различия в гендерном порядке¹¹ и возрастной стратификации, существующих в принимающем и отдающем сообществе.

Так, в ст. Бороздиновской, Дубовской и Каргалинской требования, предъявляемые к женщинам (в особенности к молодым девушкам), гораздо жестче тех, которые существуют в московском мегаполисе. Сельское сообщество строго следит за поведением и внешним обликом женщин. Выше всего ценится женская добродетель (прежде всего отсутствие добрачных и внебрачных сексуальных связей). Недопустимыми для женщины считаются курение, употребление спиртных напитков, использование ненормативной лексики. Женщине предписывается беспрекословное подчинение отцу, брату, мужу¹². В задачи мужчины входит осуществление контроля над тем, чтобы его жена, дочери, сестры вели себя подобающим образом. Допустима физическая расправа над женщиной, «обесчестившей» семью (т. е. уличенной в запрещенных сексуальных контактах).

В отношении мужчин количество запретов в Бороздиновской, Дубовской и Каргалинской существенно меньше. Мужчины ощущают свободнее в принятии

¹⁰ Согласно определению Г. Гарфинкеля, «моральный порядок состоит из правил, регулирующих повседневные действия» [Garfinkel, 1964: 225].

¹¹ Термин «гендерный порядок» употребляется в соответствии с определением Р. Коннелл как «исторически сложившиеся властные отношения между мужчинами и женщинами и понимание феминности и маскулинности» [Connell, 1987: 98—99].

¹² Хотя в реальности это предписание не всегда соблюдается.

решений, сексуальном поведении, приобретении «вредных привычек». Главное требование к мужчине — выраженная маскулинность поведения, в том числе во внешнем облике. Ношение серег, отращивание и окрашивание волос, маникюр, педикюр абсолютно неприемлемы для мужчины, поскольку воспринимаются как формы поведения, присущие женщине.

Статус пожилых людей в чеченском социуме значимо выше, чем в московском¹³. При обсуждении важных семейных вопросов решающий голос, как правило, принадлежит старшему мужчине в семье. Людям старшего возраста выказывается подчеркнутое уважение. Не допускается не только прямой грубости в отношении старших по возрасту, но даже ненормативного поведения в их присутствии (курения, употребления алкогольных напитков, использования нецензурной лексики). Ситуация, при которой состарившихся родителей отправляют в дом престарелых, в Чеченской Республике немыслима.

Схематично расхождение статусных позиций мужчин и женщин разного возраста в бытовой сфере в отдающем и принимающем сообществах можно изобразить следующим образом (см. рис. 1):

Рисунок 1. Статусная иерархия мужчин и женщин разного возраста в Москве и Чеченской Республике

Несовпадения возрастной и гендерной иерархии в московском и чеченском сообществе обуславливают различия в оценке столичного образа жизни жителями ЧР разного возраста и пола.

Различия в представлениях о Москве и москвичах сельских жителей ЧР разного возраста и пола

Несмотря на то что молодежь солидаризируется в негативных оценках столицы с людьми среднего и старшего возраста, полагая, что она довольно опасна и недружелюбна к выходцам из Чеченской Республики, молодые люди значимо чаще заявляют о том, что хотели бы пожить в Москве (см. табл. 5).

Что касается представлений о москвичах, то хотя в целом молодежь склонна наделять столичных жителей теми же отрицательными характеристиками, что и старшие поколения, она все-таки настроена чуть более благожелательно и реже высказывает негативные суждения. Так, грубыми и агрессивными жителей сто-

¹³ Некоторые социологи фиксируют распространение в центральной России геронтологического эйджизма (т. е. дискриминации пожилых людей) [Колпина, 2015; Парфенова, 2016].

лицы считают 16,8% молодых респондентов против 31,8% опрошенных среднего возраста и 22,5% респондентов старшего возраста; злыми — 28,6% против 36,4% и 36,6% соответственно; равнодушными — 32,8% против 42,7% и 38%; аморальными — 52,5% против 57,3% и 59,2%.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Лично Вы хотели бы или не хотели бы пожить в Москве?» среди людей разных возрастов, %

	Хотел(а) бы	Не хотел(а)бы	З/О
От 16 до 34 лет	20,2	78,2	1,7
От 35 до 54 лет	11,8	84,5	3,6
От 55 лет	4,2	90,1	5,6

Таким образом, молодежь проявляет несколько большую открытость по отношению к Москве и москвичам, чем люди среднего и старшего возраста. Можно предположить, что молодых людей привлекает в столице более свободный образ жизни и независимость от старшего поколения.

Различия в оценках мужчин и женщин имеют более сложный характер. Жительницы ст. Бороздиновской, Дубовской и Каргалинской, никогда не бывавшие в Москве, даже категоричнее в суждениях о столице и столичных жителях, чем мужчины. В частности, 52,6% женщин полагают, что москвичи плохо и скорее плохо относятся к приезжим из Чеченской Республики, тогда как среди мужчин аналогичного мнения придерживаются 44,7%.

Межнациональные отношения в Москве женщины также оценивают более пессимистично, чем мужчины (см. табл. 6).

Таблица 6. Оценка межнациональных отношений в Москве респондентами разного пола, %

	Женщины	Мужчины
Доброжелательные	1,3	2
Спокойные	30,9	38
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	36,2	24,7
Напряженные	16,8	17,3
На грани открытых столкновений	12,1	8,7
З/О	2,7	9,3

Москвичам респонденты обоих полов приписывают уже перечислявшиеся выше негативные характеристики. При этом женщины чаще мужчин описывают жителей столицы как аморальных и распущенных (60% респонденток против 52% респондентов), грубых и агрессивных (26,7% против 20,7% соответственно), и реже — как культурных, воспитанных (3,3% против 13,3%), образованных, умных (18% против 28,7%).

Вероятно, более критичное отношение женщин к Москве и москвичам является своеобразной защитной реакцией и связано с высокими ожиданиями враждебности со стороны жителей столицы по отношению к выходцам из Чеченской Республики.

Однако поездка в Москву может коренным образом изменить взгляд жителей ст. Бороздиновской, Дубовской и Каргалинской на столичный образ жизни.

Различия в восприятии принимающей среды женщинами и мужчинами, приезжающими в Москву

Как уже говорилось, поездка в столицу и непосредственный контакт с жителями московского мегаполиса заставляют и мужчин, и женщин пересмотреть представления о высоком уровне враждебности принимающего сообщества в отношении выходцев из ЧР. Несмотря на то, что некоторые москвичи ведут себя невежливо, большинство людей, которых встречают приезжие из Бороздиновской, Дубовской и Каргалинской, агрессии не проявляют. А в некоторых случаях между выходцами из ЧР и жителями столицы завязываются приятельские отношения. Дальнейшее знакомство с московским образом жизни зачастую приводит мужчин и женщин к разным выводам.

Мужчины, как правило, обращают внимание на «высокомерное» поведение москвичек, «женоподобность» москвичей, неприемлемый внешний вид столичных жителей обоих полов.

Женщины же отмечают совсем иные аспекты жизни московского социума. Респондентки подчеркивают вежливое отношение мужчин в Москве к девушкам и женщинам.

«Например, мужчины [...], вот едем мы в метро, например, встают сразу, как девушка заходит. Ну, садитесь... Такое доброжелательное отношение. А в городе [Грозном] я хочу зайти в маршрутку, а меня мальчишки, наши чеченцы, толкают, ну типа, если им места не достанется, прямо женщин толкают, девушек толкают, хотят зайти в маршрутку и сесть» (жительница Дубовской, 23 года, переехала в Москву вслед за мужем в 2014 г.).

«Одно только заметила я: тяжелые сумки носят мужчины, а маленькие сумочки женщины. У нас большинство [тяжелых сумок] носят женщины» (жительница Каргалинской, 59 лет, первый раз приехала на работу в Москву в 2017 г.).

«Пока я была в Москве ни один мужчина, который видел меня в платке, ни разу меня не оскорбил, не грубил. Когда я ходила в платке на первой работе, многие мужчины пытались в моем присутствии не материться. То есть они вели себя очень вежливо, они понимали, что я с Чечни, и вели себя очень воспитанно. Они старались, по крайней мере, не оскорбить меня ни своим поведением, ни своими словами. [...] И по отношению к русским девушкам [они вели себя] очень вежливо. Именно по отношению ко мне, я чувствовала, что они меняют свое поведение, чтобы вдруг, невзначай, я не оскорбилась, не обиделась» (жительница Каргалинской, 27 лет, первый раз приехала на работу в Москву в 2013 г.).

Говоря о внешнем виде москвичек, респондентки чаще упоминают не о вульгарности и нескромности столичной манеры одеваться, а о ее простоте, удобстве и экономичности.

«У нас завелось такое, учатся которые девчата, они очень богато одеваются, а которые немножко хуже одеваются, им стыдно перед ними. Ну не все же так могут одеваться, как они. [...] И если, например, была бы моя дочь, я не в силах была бы ее одеть, как одеваются другие. А надо было бы. Потому что девочке было бы неудобно, среди сверстниц она была бы как черная овца в стаде. А здесь вообще нет этих проблем. Хоть ты голая ходи, хоть одетая, хоть длинное одень, хоть короткое, насчет этого здесь хорошо» (жительница Каргалинской, 59 лет, первый раз приехала на работу в Москву в 2017 г.).

«Наши девушки хотят постоянно выглядеть красиво, постоянно за собой ухаживают. В русских девушках я этого не замечала. У них каждый день не бывает макияжа, они одеты в простую одежду. То есть они одеваются или красятся только в праздничные дни. Я [тоже] стала меньше краситься, я поняла, что можно одеваться по-простому» (жительница Каргалинской, 27 лет, первый раз приехала на работу в Москву в 2013 г.).

В целом жизнь в Москве респондентки зачастую оценивают как более комфортную и свободную, лишённую груза ограничений, существующих в Чеченской Республике, которые в свете московского опыта представляются неоправданными.

«Там [в Москве] я приобрела больше знаний и опыта жизни, чем здесь. [Здесь] ты не выйдешь, ты никуда не пойдешь. Там свободнее, тебе легче ходить по улице элементарно. Ты пройдёшь здесь, тебя до той улицы пообсуждают все, а там ты себя чувствуешь более открыто, комфортно, никто тебя не обсуждает, в чем ты одета, как ты вышла на улицу» (жительница Дубовской, 23 года, переехала в Москву вслед за мужем, в 2014 г.).

Большинство респонденток без особых раздумий отпустили бы в Москву на работу и учебу своих детей (как сыновей, так и дочерей), тогда как респонденты-мужчины ни при каких обстоятельствах не разрешили бы поехать в Москву своим дочерям, а сыновей готовы были бы отпустить только при соблюдении ряда условий¹⁴.

Большинство респонденток предпочли бы растить детей в Москве, поскольку, на их взгляд, в столице больше возможностей для получения хорошего образования, перспектив для развития.

«Очень хорошая среда [в Москве], дети будут воспитанные и научатся чему-то. Образование нормальное получают» (жительница Бороздиновской, 44 года, первый раз приехала на работу в Москву в 2014 г.).

«Здесь [в Москве] все для детей есть. Город большой, Москва есть Москва. И кружки, и развлечения. После школы, после работы можно просто погулять. [...] Своих детей мне всю жизнь жалко было. Своего я растила без этих лишних, и его дети сейчас растут так же» (жительница Каргалинской, 59 лет, первый раз приехала на работу в Москву в 2017 г.).

«Там [в Москве] очень много условий, перспектив, дети могут учиться в школе и подрабатывать, чего, допустим, у нас в республике нет» (жительница Каргалинской, 27 лет, первый раз приехала на работу в Москву в 2013 г.).

В то же время большинство респондентов-мужчин полагают, что в Москве неподходящая среда для воспитания детей.

¹⁴ В сопровождении старших, либо в случае достижения зрелого возраста и при наличии четко сформировавшихся убеждений.

«Если меня спросить, я там [в Москве] не воспитывал бы, даже учиться не пустил бы. Я бы лучше здесь в медресе отдал бы детей своих и пускай учат Коран и сунну» (житель Бороздиновской, 26 лет, первый раз приехал на работу в Москву в 2014 г.).

«Там не среда для того, чтобы воспитывать детей в кавказских традициях, в наших чеченских традициях» (Житель Дубовской, 37 лет, первый раз приехал на работу в Москву в 2015 году)

«[В Москве дети] испортятся моментом» (житель Бороздиновской, 49 лет, первый раз приехал на работу в Москву в 2013 г.).

подавляющее большинство респонденток хотели бы перебраться в Москву насовсем, тогда как респондентами-мужчинами подобное желание практически не высказывалось.

Очевидно, что указанные расхождения в значительной степени связаны с различиями статусных иерархий в отдающем и принимающем сообществе, о которых говорилось выше. Если для женщин перемещение в московскую среду означает некоторое повышение статусной позиции, освобождение (по крайней мере частичное) от постоянного давления со стороны родственников-мужчин и сельского социума в целом, то для мужчин, напротив, переезд в столицу чреват понижением статуса, ослаблением контроля над «своими» женщинами (женой, дочерьми, сестрами) и младшими членами семьи.

Выводы

Проведенное исследование показало, что подавляющее большинство жителей станиц Бороздиновская, Дубовская и Каргалинская Шелковского района Чеченской Республики, никогда не бывавших в столице, воспринимают Москву как чужой, враждебный и небезопасный город, а москвичей — как аморальных, негостеприимных, равнодушных, высокомерных и злых людей, навязывающих свои обычаи другим.

Расширенный контакт с москвичами не оказывает значительного влияния на данные представления. Однако поездка в столицу и вступление в непосредственный контакт со столичными жителями способствуют улучшению отношения к москвичам, пересмотру первоначального мнения о чрезвычайно высоком уровне враждебности принимающего сообщества к выходцам из Чеченской Республики.

Несовпадение паттернов повседневного поведения препятствует преодолению негативного восприятия Москвы и москвичей, частично подтверждая негативные стереотипы о принимающей среде, существующие в отдающем сообществе.

Различия в гендерном порядке и возрастной иерархии обуславливают расхождения в восприятии столичного образа жизни молодежью и старшими поколениями, мужчинами и женщинами.

Список литературы (References)

- Варшавер Е. А.* Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183—214.
Varshaver E. A. (2015) Contact theory: Review. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 183—214. (In Russ.)

Колпина Л. В. Эйджизм в обслуживании пожилых граждан учреждениями здравоохранения и социальной защиты : монография. Ульяновск : Зебра, 2015. 128 с.
Kolpina L. V. (2015) Ageism in the service of older citizens by health and social protection institutions: Monograph. Ulyanovsk: Zebra. 128 p. (In Russ.)

Парфенова О. А. Позиционирование пожилых граждан как уязвимой группы в современной России: официальный и общественный дискурсы // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2016. Вып. 1. С. 79—87.

Parfenova O. A. (2016) Positioning of senior citizens as a vulnerable group in modern Russia: the official and public discourse. Vestnik of St Petersburg University. Series 12. Sociology. No. 1. P. 79—87. (In Russ.)

Allport G. V. (1954) The Nature of Prejudice. Reading, MA: Addison-Wesley.

Connell R. W. (1987) Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Garfinkel H. (1964) Studies of the Routine Grounds of Everyday Activities. Social Problems. Vol. 11. No. 3. P. 225—250. <https://doi.org/10.2307/798722>.

Paolini S. et al. (2004) Effects of direct and indirect cross-group friendships on judgments of Catholics and Protestants in Northern Ireland: The mediating role of an anxiety-reduction mechanism. Personality and Social Psychology Bulletin. Vol. 30. No. 6. P. 770—786. <https://doi.org/10.1177/0146167203262848>.

Pettigrew T. F. et al. (2007) Direct and indirect intergroup contact effects on prejudice: A normative interpretation. International Journal of Intercultural Relations. Vol. 31. No. 4. P. 411—425. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.11.003>.

Pettigrew T. F., Tropp L. R. (2012) When groups meet: The dynamics of intergroup contact. New York: Psychology Press.

Sherif M. et al. (1961) Intergroup conflict and cooperation: The Robbers Cave experiment. Norman: University Book Exchange.

Wright S. C. et al. (1997) The extended contact effect: Knowledge of cross-group friendships and prejudice. Journal of Personality and Social psychology. Vol. 73. No. 1. P. 73—90. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.73.1.73>.